

Комлик Надежда Николаевна

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ПОЭТИКА ЕГО ВОПЛОЩЕНИЯ В РАССКАЗАХ Е. ЗАМЯТИНА  
"РУССКОЙ" ТЕМАТИКИ**

В статье анализируется художественно-философская концепция русского национального характера, являющегося главным предметом творческого исследования Е. И. Замятина в ряде произведений так называемой "русской тематики". Галерея русских характеров, самобытность русского человека изучаются в контексте нравственно-этических, духовно-эстетических воззрений русского народа, отраженных в его культуре, прежде всего, словесной.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/1/2015/11/15.html](http://www.gramota.net/materials/1/2015/11/15.html)

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

**Альманах современной науки и образования**

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (101). С. 52-55. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/1.html](http://www.gramota.net/editions/1.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/1/2015/11/](http://www.gramota.net/materials/1/2015/11/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [almanac@gramota.net](mailto:almanac@gramota.net)

4. **Власов В. П.** Методика работы баяниста над полифоническими произведениями. М.: РАМ им. Гнесиных, 2004.
5. **Галактионов В. М.** Некоторые особенности исполнительства на многокнопочном баяне // Современные проблемы музыкального исполнительства. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1987.
6. **Гинзбург Л. Н.** О работе над музыкальным произведением. М., 1981.
7. **Гольденвейзер А. Б.** Об исполнительстве // Вопросы фортепианного исполнительства. М.: Музгиз, 1965. Вып. 1.
8. **Давыдов Н. А.** Баян-аккордеон в Украине на рубеже столетий (аспект камерного исполнительства) // Развитие народных традиций в музыкальном исполнительстве, творчестве и педагогике: опыт международного исследования. Саратов: Изд-во Саратов. гос. консерватории, 2002.
9. **Завьялов В. Р.** Некоторые тенденции современного исполнительства на баяне // Современные вопросы музыкального исполнительства и педагогики: труды ГМПИ им. Гнесиных. М., 1976. Вып. XXVII.
10. **Коган Г. М.** Работа пианиста. М.: Классика-XXI, 2004.
11. **Либерман Е. Я.** Работа над фортепианной техникой. М.: Классика-XXI, 2006.
12. **Липс Ф. Р.** Искусство игры на баяне. М.: Музыка, 1985.
13. **Мартинсен К.** Методика индивидуального преподавания игры на фортепиано. М.: Музыка, 1977.
14. **Мильштейн Я. И.** Исполнительские и педагогические принципы К. Н. Игумнова // Мастера советской пианистической школы. М., 1954.
15. **Нейгауз Г. Г.** Об искусстве фортепианной игры. М.: Музгиз, 1961.
16. **Савшинский С. И.** Режим и гигиена работы пианиста. Л., 1963.
17. **Семенов В. А.** Современная школа игры на баяне. М.: Музыка, 2003.
18. **Фейнберг С. Е.** Пианизм как искусство. М., 1969.
19. **Цыпин Г. М.** Развитие учащегося-музыканта в процессе обучения игре на фортепиано: учеб. пособие / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М.: МГПИ, 1975.
20. **Шульпяков О. Ф.** Работа над художественным произведением и формирование музыкального мышления исполнителя: методическое пособие. СПб.: Композитор, 2005.
21. **Ямпольский А. И.** К вопросу о воспитании культуры звука у скрипачей // Вопросы скрипичного исполнительства и педагогики. М.: Музыка, 1968.

#### PECULIARITIES OF ACCORDIONIST'S AUDITORY-MOTOR TECHNIQUE FORMATION AT VARIOUS STAGES OF WORK ON MUSICAL COMPOSITION

**Kislitsyn Nikolai Arkad'evich**, Ph. D. in Art Criticism  
Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov  
nik.kislitsyn2011@yandex.ru

In this article the mechanisms of the formation of an accordionist's auditory-motor relations are considered for the first time in the theory of button accordion articulation in close connection with the technical-constructive peculiarities of the keyboards structure of the modern multi-timbre free-bass button accordion. It is noted that the presence of several keyboards in the structure of modern button accordions makes it difficult to form stable auditory-motor and sound-motor ideas and sensations of an accordionist. The underestimation of the role of stable and mobile skills violates the correlation between a performer's conscious and subconscious activity.

*Key words and phrases:* accordionist; keyboard; coordination; mobile and stable skills; auditory-motor connections.

УДК 8

#### Филологические науки

*В статье анализируется художественно-философская концепция русского национального характера, являющегося главным предметом творческого исследования Е. И. Замятина в ряде произведений так называемой «русской тематики». Галерея русских характеров, самобытность русского человека изучаются в контексте нравственно-этических, духовно-эстетических воззрений русского народа, отраженных в его культуре, прежде всего, словесной.*

*Ключевые слова и фразы:* русский характер; народная культура; фольклор; фольклорно-мифологические мотивы; древность; национальное пространство; русская душа; русская стихия; национальная картина мира.

**Комлик Надежда Николаевна**, д. филол. н., профессор  
Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина  
nkomlik@rambler.ru

#### НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ПОЭТИКА ЕГО ВОПЛОЩЕНИЯ В РАССКАЗАХ Е. ЗАМЯТИНА «РУССКОЙ» ТЕМАТИКИ<sup>©</sup>

Загадки национальной истории, национального характера волновали Замятина на всем протяжении его творческого пути. Они стали главным предметом художественного исследования в целом ряде произведений так называемой «русской» тематики, поэтика которых органично вобрала в себя мирозерцание народа, его философию жизни, которые выразились, прежде всего, в словесной культуре. Начиная с ранних повестей «уездного»

цикла, писатель ведет напряженный поиск национального типа, как бы нащупывает его исторически устойчивое нравственно-психологическое ядро. Но если в «уездной трилогии» («Уездное», «Алатырь», «На куличках») доминировала ироническая во всех ее градациях интонация, то уже в рассказе «Непутевый» (1913), ознаменовавшем рождение целого цикла произведений («Африка», «Знамение», «Север», «Ёла»), где главным предметом изображения является русский характер в его мужском варианте, преобладающим становится лирико-романтическое начало, возникающее в значительной степени в результате интенсивного использования фольклорно-мифологических мотивов, образов, сюжетов. Функционирование в текстах этого своеобразного «пятикнижия» элементов былины, сказки, славянского мифа, реминисценций из произведений древней русской литературы, неожиданно сочетающихся, переплетающихся между собой, переходящих одно в другое, воссоздает утонченную и вместе с тем колоритную ткань русской национальной жизни в ее бытийном смысле. На таком фоне «уярченно» предстает национальный характер в его самых выразительных ипостасях.

Галерею русских характеров в этом цикле открывает Сеня Бабушкин из рассказа «Непутевый». В раздвоенном лике данного героя удивительным образом сочетаются две крайности русского характера – неистовая огненная стихия и созерцательная мечтательность. Настоячивое звучание в «Непутевом» перекликающихся мотивов «татарской степи» и древней православной северной Руси организует национальное пространство, национальную картину мира. Ее колорит, зафиксированный в «ордынских» приметах городского пейзажа Москвы и Кремля, в подробностях древнерусского убранства дворца на Остоженке, в лике Василисы Петровны, – не просто изумительный по своей красоте национальный фон, на котором происходит действие рассказа, а символическое воплощение двойственного лика России, русской души, запечатленной в образе Сени Бабушкина, нежного и мягкого, как костромской «денек летний, нежаркий», и одновременно неистового, пылкого, бросающегося в революцию, «как в омут», так же страстно, как в любовь к Василисе Петровне. В облике, поведении, поступках замятинского героя отразились глубинные токи жизни народа, его эстетические и нравственные идеалы. «Непутевый» Сеня – разновидность юродов, глубоко почитавшихся на Руси за их презрение к материальным благам жизни, за обладание ими, по вере народной, особой духовной прозорливостью. Подобно юродивым, не имеющим, как считалось, обыденного практического ума, живет не связанный комфортом и удобствами, «как птица небесная», и Сеня Бабушкин.

В нем очень много от образа действий самого любимого героя русских сказок – Ивана-дурака. Детская непосредственность, непрактичность, «странность» поведения, с точки зрения обыденного сознания, оторванность от будней роднит и Сению Бабушкина, и всех других героев «пятикнижия» с этим персонажем фольклора, который никогда не удовлетворялся «пошлостью земной утопии сытого рая, как предела желаний, как вершины фантазии» [3, с. 115]. Презрение и отвращение к каждодневной, будничной жизни – это главная, определяющая черта всех замятинских героев, выведенных им в цикле о «русском характере», в воплощении которых он интенсивно использует эстетику фольклора. Неприятие повседневности выливается у них в светлую мечту, дающую им импульс жизни, отрывающую от серой, скучной реальности, уносящую на своих крыльях (как на крыльях Могол-птицы) в светлую неизведанную даль. Так устремлена в даль и ввысь душа Сени Бабушкина, алчущая выхода из будней в иное измерение. Вознесение героя, с чего и начинается рассказ, на кремлевскую стену, где его впервые «посересть двух зубцов» видит «степенный» Петр Петрович, – акт символический, олицетворяющий собой вечно взыскующую Града Небесного русскую душу, постоянно ищущую «нового царства», устремленную «за тридевять земель» в «тридешатое государство».

Это особое «странничество» русской души, так глубоко понятое и выразительно воплощенное в русской литературе, чутко прислушивающейся к фольклору, своеобразно трансформировавшееся в творчестве Замятина, определяет «состав» души и Федора Волкова из рассказа «Африка», отвергающего обыденный, привычный мир Яусты и ее «зудливого» отца, Федора, устремляющегося за дивной мечтой в облике хрупкой и нежной, как белая майская ночь, девушки, живущей в какой-то сказочно-дикивинной, далекой, «иной» стране Африке. Образ «иной» земли, «киного царства», возникающий на страницах рассказа, – это символическое воплощение мира детски чистой и наивной души простого рыбака, в облике, в развороте могучих («страшных») плеч которого проступают черты фольклорного богатыря. Подобно этим любимым народом героям русского эпоса, бессознательно устремленным в «иные» земли в поисках лучшей доли, в надежде встретить то, чего никогда не бывает в будничной, ежедневной жизни, но что всегда так томит и о чем так кручинится русская душа, страстно ждет и добывается знаменья Селиверст («Знамение»), рвется к обладанию ёлой-счастьем Цыбин («Ёла»), конструирует необыкновенный фонарь Марей из повести «Север».

Эстетика русского эпоса сказывается в рассказе «Африка» и повести «Север» в форме прямого следования традициям народной поэзии. «Сажанный, плечистый», с «ребячьими» широко распахнутыми синими глазами «младень-богатырь» Марей, как и Федор Волков, кажутся современными аналогами былинных героев, мощь и сила которых были всегда направлены на защиту слабых и обиженных. В привычном для русского эпоса смысле разбивается в этих произведениях и мотив сидья. В сидении часами Марей на своем любимом месте, «где мальчишкой топ: под камнем, над белокаменной Тунежкой» [4, т. 1, с. 360], как и неподвижном томлении «мертвыми» ночами у Ильдиного камня тоскующего Федора Волкова, содержится отголосок былинного сидения Ильи Муромца, аллегорически означающего накопление, собиранье сил, мощи и энергии России, народа. Только, в отличие от исконного, этот архемотив, перенесенный на почву замятинских произведений, создавая иллюзию реализованного в повести первосмысла, приобретает иное семантическое значение, продиктованное иным художественным контекстом, другой временной ситуацией. Если сосредоточенная за тридцать лет и три года сидения мощь Ильи Муромца, в котором воплотилась идея

русского народа, «скованного по рукам и ногам страшной татарской силой» [5, с. 124], символизирует Русь действенную, освобождающуюся от любого врага, то накопленная энергия замятинских «младень-богатырей» знаменует мощь России мечтающей. «Россия в мечтах», захваченная, поглощенная, всецело плененная ими, оторванная от реальной суровой действительности, – так коротко можно определить символический смысл героев-мечтателей, к которым художник питал особое пристрастие и с которыми связывал свое понимание «русского». Мечтатель, романтик, по убеждению писателя, – это всегда духовный максималист. В отличие от благоразумного мещанина, он не может принять, удобно приспособив к себе, жизнь со «всячинкой». Как только «одна капля» этой «всячинки» попадает в бокал «с вином жизни» мечтателей, они тотчас же «выплеснут» его «за окно». И это произойдет «не потому, что они не любят вина жизни, а потому, что его любят больше, чем кто-нибудь, потому что они слишком любят его, они хотят или чистейшее – или никакого, или все – или ничего» [4, т. 2, с. 255], – пишет Е. И. Замятин.

В таком отношении к жизни видится писателю трагический залог судьбы всех мечтателей. Они обречены на вечное скитание Агасфера, на вечный поиск «Дамаска». «Великий и тяжкий их рок в том, что их не удовлетворяет никакой достигнутый Дамаск: всякое достижение, всякое воплощение убивает для них настоящий Дамаск, для них нет ничего страшнее оседлости, стен. Именно здесь их полярность с миллионами Чичиковых и Санхо-Панс» [Там же, с. 255-256], кои для писателя являются яркими образчиками мещанства как понятия философского. Мещанин, по Замятину, – это такая душевно-духовная организация, которая может существовать «только в стенах, в прочном, решенном, найденном, в ответченном <...>» [Там же, с. 256], как живут «поумневший» после политической ссылки брат Сени Бабушкина («Непутевый»), или «самоварно» уверенный в себе лавочник Кортома («Север»), или герои романа «Мы», обитающие в «прочных стенах» «решенной, найденной» формулы счастья жизни человеческого муравейника, как прозябает «зудливый, неотвязный» Пимен из рассказа «Африка», существующий в со всех сторон «обнесенном тыном» духовно-нравственном пространстве, символом которого становится двор его дома с водовозкой в центре, возле которой он ежевечерне истово «бухался на колени и сладкогласно пел Богу молитву» [Там же, т. 1, с. 250].

В цикле произведений о «русском характере» намечено ставшее главным в романе «Мы» противоречие между «родимым хаосом» национального космоса и регламентированным, благоразумно устроенным, механически нивелированным мещанским порядком жизни, каковой связывается Замятиным с технократической современной цивилизацией. Именно в ней, а не в российской уездной глубинке видятся теперь писателю истоки обмещанивания («обызвествления») человека. Заорганизованная, нормированная, упорядоченная система жизни претит национально выраженной душе художника, как и душе его героев, отвергающих принцип «все в меру», испытывающих отвращение к жизни, «закованной в пределы», имеющей жесткую форму, которую русская стихия постоянно опрокидывает, разрушает, деформирует.

Такая бушующая национальная стихия, «стихия страстей», унаследованная от знойных горячих «татарских степей», проявляется, например, в импульсивном бунтарстве, кабацких кутежах, уходе в революцию Сени Бабушкина. Она «кипит» в неистовом Селиверсте, требующем от Владычицы Ширьшей Небес знамения. В этом герое, как и в Цыбине, выразилась та ипостась русского национального характера, которая обладает поразительной степенью напряжения. В них бурлит «исступленность», страстность русской природы, питаемой «глухо кипящей под порогом сознания подпочвенной вулканической силой», в них – тот «огонь пожирающий», который есть и «в Стеньках Разиных, и в Пугачевых, и в хлыстовстве, и в скопцах» [2, с. 64], и в замятинских мужиках, пришедших грабить монастырь («Сподручница грешных»), барские имения («Землемер», «Слово предоставляется товарищу Чурыгину»), и в тщедушном, утонувшем в шинели «драконе-мужичке» с винтовкой в руках из рассказа «Дракон». Не случайно образ Селиверста в рассказе «Знамение» сопряжен с мотивом огня, уходящим своими корнями в фольклорную традицию, имеющую в этом произведении богатейшую смысловую нюансировку: от солнечного горения устремленных ввысь «крестов-ласточек» до зловещего зарева пожара, превратившего монастырь в «геенну огненную», а ночь – в «день последнего судилища».

Вулканическая стихия, «хлещущий напор души» определяют главное и в характере Цыбина («Ёла»), так же неспособного жить вне абсолюта, вне идеала, принимающих форму мечты, грезы, видения, желания. Крепкий, с огромными, похожими на тяжелые «гири», руками, он принадлежит к тому богатырскому племени русских поморов, к которым относятся и Федор Волков, и Марей, и живущий рядом с Цыбиным старый силач Фомич, что «когда-то давно в драке <...> одним ударом уложил человека наповал» [4, т. 1, с. 512].

Мотив богатырей, имеющий в художественной структуре рассказа «Ёла» важное значение, так же, как в «Африке» и «Севере», развивается одновременно в двух планах – внешнем и внутреннем. На поверхности сюжета его функционирование связано с ежедневной и дерзновенной борьбой отважных поморов с «океаном-зверем», «встающим на дыбы» и «глотающим» своей ревушей, бешеной белой пастью таких «белозубых крепких людей, как Цыбин, как Клаус, как его младший брат Олаф» [Там же, с. 509-510]. Но, уходя в план внутреннего, потаенного действия, этот мотив обретает иносказательное значение силы и мощи мечты о счастье, которая овладевает всей без остатка душой русского богатыря Цыбина, неистово стремящегося его «достигнуть», «догнать», как «догонял» он селедку, «уходившую за Олений остров» [Там же, с. 508].

В безудержном цыбинском стремлении обладать ёлой-счастьем, как и в яростном желании Селиверста получить материальное подтверждение существования Бога, – одержимость неистовой русской стихии, хорошо знакомой нам по произведениям Ф. М. Достоевского, поэтически точно и емко сформулированной А. Блоком: «Да, так любить, как любит наша кровь, Никто из вас давно не любит!» [1, с. 274]. Замятину, как и Достоевскому, и Блоку, с огромной глубиной и силой удалось воплотить особенности национальной стихии.

Он угадал, что «аффект бытия есть любовь», и что эта любовь, как и сама русская стихия (явление мощное и всеохватное), – амбивалентна. Окрыляя и поднимая человека к духовно-нравственным высотам, она одновременно может оказаться слепой и разрушительной силой, уничтожающей прежде всего самого носителя этого чувства-страсти, как погубила она и Сенью Бабушкина, не захотевшего покинуть расстрелянную баррикаду, и умершего на пути к заветной Африке Федора Волкова, и нашедшего свою смерть в медвежьем могильнике Марая, и Цыбина, спешащего к ёле-невесте на свадебный пир, ставший для него «пиром гибели».

Замятин делает неутешительный вывод, не однажды подтвержденный идейно-художественным содержанием его творчества, о губительной сущности национальной стихии, несущей в самой себе потенцию разрушения в силу склонности русского человека к крайностям, чрезмерности переживания, алогичности поступков, в силу того, что вне этой алогичности, вне разрушительного напора страстей русская душа жить не может. Она живет полной жизнью только тогда, когда питается «веселым разрушением», в котором для Замятина и содержится «источник страшного». «Веселое» и «страшное» – та антиномия, которая, по убеждению писателя, определяет две крайности национального характера, не позволяющие русской истории развиваться плавно и постепенно, эволюционным путем.

Но эта горькая правда о русском человеке, трезвая констатация национального изъяна не зачеркивает замятинской веры в русский народ и Россию. Вслед за Достоевским он усматривает в чрезмерном напряжении русской стихии «кажду бытия», которая через разрушение способна «снова зажечь молодостью планету», «зачать новую жизнь...» [4, т. 2, с. 387, 388].

#### Список литературы

1. Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. Л., 1974.
2. Вышеславцев Б. П. Русская стихия у Достоевского // Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994. С. 61-86.
3. Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 112-121.
4. Замятин Е. И. Избранные произведения: в 2-х т. М., 1990.
5. Калугин В. И. Струны рокотаху: очерки о русском фольклоре. М., 1989.

#### NATIONAL CHARACTER AND POETICS OF ITS IMPLEMENTATION IN E. ZAMYATIN'S STORIES OF THE "RUSSIAN" SUBJECT MATTER

Komlik Nadezhda Nikolaevna, Doctor in Philology, Professor  
Yelets State University named after I. A. Bunin  
nkomlik@rambler.ru

The article analyzes the artistic-philosophical conception of the Russian national character, which is the main subject of E. I. Zamyatin's creative research in a number of works of the so-called "Russian subject matter". The gallery of the Russian characters, the unique identity of the Russian people are studied in the context of the moral-ethical, spiritual-aesthetic views of the Russian people reflected in their culture, especially in literature.

*Key words and phrases:* Russian character; folk culture; folklore; folklore-mythological motives; antiquity; national space; Russian soul; Russian elements; national picture of the world.

УДК 332/316

#### Социологические науки

*В статье рассматривается вопрос об изменениях в социальной структуре украинского села под влиянием трансформационных процессов. В результате исследования сделан вывод о том, что перспективы дальнейшего социального развития крестьянства зависят от темпов и характера функционирования трех основных секторов сельскохозяйственного производства – семейного, фермерского и крупного (промышленного).*

*Ключевые слова и фразы:* социальная структура; крестьянство; социальное развитие; крестьянское хозяйство; аграрный сектор.

**Максимчук Елена Викторовна**

Институт социологии Национальной академии наук Украины, г. Киев  
lena\_maximchuk@ukr.net

#### ТЕНДЕНЦИИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА<sup>©</sup>

Актуальность данного исследования заключается в том, что в настоящее время сельская социальная структура переживает процесс модернизации, рассматриваемой как с позиций «субстанционального», так и